

Этнокастовые общности хозяйственно-культурного типа кочевников и полукочевников скотоводов, варновЫй статус кшатриИ.

Классическим примером санскритизации кочевников надо назвать этнокастовую общность **раджпуты** (*раджанута джати*), и эта тема уже затронута в главе 2-й. Раджпуты стали в истории страны самым массовым и успешным примером обращения иноземных номадов в кшатриев, воинов и землевладельцев-«правителей». В проблематике этой главы особенный интерес представляют потестарные и этнокультурные традиции общности.

В раджпутской ЭКО сегодня состоят этнические, кастовые, генеалогические, локальные, социально-престижные, сословные группы, которые отличаются общими ярко выраженными особенностями культуры и высоким уровнем этнического самосознания. Раджпуты по-прежнему предпочитают традиционное для них воинское служение в армии и особенно в полиции, среди них много небольших землевладельцев, а некоторые зарабатывают себе на жизнь административно-управленческими занятиями. Они демонстрируют высочайший уровень осознания своего единства, основанного прежде всего на причастности к историческому наследию средневековых раджпутов, традициям воинского героизма и *дхарме* кшатриев.

На земле Раджастхана (букв. «Земля царей»), которую раджпуты считают своим «гнездом», к 1947 г. было 21 независимое раджпутское княжество, еще два входили в состав британских территорий. В течение VII–XI вв. раджпуты широко расселились по всей Северной и Западной Индии, где появилось множество государств во главе с раджпутскими династиями. Это история империи Гурджара-Прагхара и ее современников, обширных, но неконсолидированных государственных организмов. Как говорят историки, «североиндийские государства раннефеодальной эпохи были в основном еще аморфными образованиями с весьма подвижными границами, несложившейся политической и административной структурой и нечеткой классовой природой» [Ашрафян 1977: 162]. В этих государствах брахманы прививали раджпутам древние идеи государственного управления: в лице брахманской традиционной элиты кастового общества индуистов раджпуты нашли выдающихся теоретиков и практиков государства древней эпохи. Поражает профессионализм брахманских идеологов: с глубокой древности для них были ясны цели госу-

дарственного управления, механизмы его реализации, изъяны автократического режима и принципы построения государственной машины как репрессивной силы. Они даже все знали о недавнем открытии наших современников — Public Relations. В характерной образной манере все эти идеи изложены в древнеиндийской литературе (Махабхарата, Артхашастра и др.). В одной из эпиграфических надписей эпохи Чанделлов упоминается «старая теория о семи составных элементах государства. Царь — это голова, министры — глаза, союзники — уши, казна — рот, армия — ум, столица и сама территория государства — руки и ноги» [Banerjee s.a.: 45]. основополагающая мысль состояла в том, что государственная политика должна соответствовать *дхарме*. *Дхарма* правителя, как учит Артхашастра, — защита богов, брахманов, коров и святых мест. Чтобы дела в государстве шли успешно, правитель должен заставить людей разных варн и *джати* неукоснительно выполнять свои предписанные *дхармой* обязанности. В этом основная задача управления. Предписания индуизма служили и инструментом ограничения автократии правителя. Для этого существовал обычай, возведенный в ранг религиозного долга: правитель обязан консультироваться со своими министрами по всем важным вопросам политики, как внутренней, так и внешней. Надо ли говорить, что этими министрами были люди из числа брахманов. Ведь «учить и наставлять» — их кастовое занятие. В эпиграфических надписях от этой эпохи упоминаются имена министров, что указывает на их важнейшую роль в делах государства. Своей должностью они были обязаны царю, но очень скоро проявилась тенденция закрепления этих и других государственных должностей за определенными семьями в качестве кастовой профессии. Этническая гуджаро-джато-раджпутская общность в процессе своего слияния с местным населением дала раджпутские касты кшатрийского уровня повсюду в Северной Индии, стала пополняться всевозможными корпоративными группами, связанными с военным делом и властью, выходцами из разных местных каст и племен. На протяжении всего этого времени этнокастовая общность раджпутов прочно держала и сейчас держит за собой место кшатриев Северной Индии.

Раджпутская ЭКО структурируется по модели кочевнической генеалогической социальной организации, которая сохранилась из добрахманического прошлого, несмотря на «кастовую оболочку», очень сильна и по-прежнему определяет характер семейно-

брачных отношений, является каркасом системы общественного самоуправления и была в свое время основой раджпутской государственности. Благодаря ей поддерживаются не только родственные эмоциональные контакты, но и системообразующие экономические, ритуальные, а в прошлом и военные взаимные обязанности раджпутских групп друг перед другом. Эта организация в период санскритизации была возведена к кшатрийским генеалогиям, списки которых содержатся в *пуранах*. Верхняя граница любой генеалогии — это возведение к одной из четырех так называемых Линий, или Династий *вамша* (*vaṃśa*) — Солнечной, Лунной, Огненной или Змеиной. Для практических, функциональных задач атрибуция по Линии не имеет реального значения, и теперь упоминание их является лишь данью уважения к долговременной традиции. Сущностный уровень раджпутской идентичности — кланы *кула* (*kula*), которые составляют генеалогические Линии. Их более ста, и тридцать шесть из них входят в особую группу, так называемые «царские *кулы*», относящиеся ко всем Линиям. Раджпутские *кулы* по происхождению — это не что иное, как разные, часто родственные, кланы иноземных завоевателей Индии и ее аборигенов, признанные достойными кшатрийского статуса. Каждый раджпут знает свою клановую принадлежность, которую он наследует от отца; этим определяется круг связей человека в семейно-брачных отношениях и в ритуале. Подчеркнутое внимание к своей *куле* выглядит как проявление гордости за славные деяния предков. Но глубинный смысл фиксирования границ *кулы* состоит в том, чтобы очертить круг экзогамии в раджпутской общности. Каждая *кула* имеет свое охранительное божество — *кула-деви*. Ей посвящаются специальные храмы, алтари в каждой семье и особые культовые действия. Все раджпуты, имеющие одинаковый культ *кула-деви*, являются потомками одного предка и соответственно братьями и сестрами, не имеющими права вступать в брак друг с другом, но обязанными поддерживать друг друга.

Каждая отдельная *кула* в ряду других имеет более или менее общепризнанное место. Четкой иерархии раджпутских кланов нет, но есть группы примерно равных по престижу, который определяется историческими заслугами предков. Некоторые *кулы*, из числа возвысившихся местных групп, вошли в состав раджпутской общности очень поздно, чуть ли не в XVII—XVIII вв., и не имеют героической истории. Как выяснилось, сравнительный

статус кланов определяется не только мифологически-историческими аргументами; существуют топологическая иерархия и ориентационное правило: всегда престижнее та *кула*, «родовое гнездо» которой расположено ближе к западным границам Индии. Чем оно восточнее, тем менее престижна *кула*. Иерархия *кул*-кланов нужна для выстраивания гипергамных брачных отношений: истинный раджпут берет жену из *кулы*, которая по статусу на одну ступень ниже, чем его собственная. Этот обычай делал границу раджпутской ЭКО открытой снизу, что привело к включению многих соседних *джати* в круг раджпутской жизни и создало культурно однородную среду в раджпутском окружении. С другой стороны, на верхних этажах раджпутской иерархии создавался избыток невест, что привело к развитию обычая инфантицида девочек и функциональной полигинии — эти традиции остались в прошлом. Многоженство имело престижно-статусный характер и практиковалось в среде раджпутской элиты.

Кула состоит из большого числа локализованных линиджей *гот* (*got*), или *кхамп* (*khāmp*). Раджпутский линидж имеет глубину от трех до семи поколений в каждый момент времени; он расселен на территории как ядро большесемейной общины, состоящей из родственных по мужской линии нуклеарных семей. Это в высшей степени консолидированная группа, которая действует как неразрывная единица во всех обстоятельствах жизни. Клан имеет определенные экономические функции, и главная из них — обязательная взаимопомощь в материальных вопросах между членами клана. Каждая большая или нуклеарная семья, входящая в большесемейную общину, считается ее неотъемлемой частью; имущество семьи принадлежит общине, и, наоборот, клан принимает меры к тому, чтобы у каждой семьи в общине было имущество. Имущество клана не делится; оно по обычаям раджпутов должно только прирастать. Самым значительным предприятием клана испокон веков считалось завоевание земли. Для решения этих проблем всем, кому нужно помочь, клан помогал «военной силой»: все мужчины клана составляли военную единицу, руководил ею глава клана — вождь, *раджа* (*gājā*). Этот военный отряд всегда готов был выступить за интересы клана, а таковыми считаются интересы каждого его члена. Раджпуты стремились к расширению клановых территорий для того, чтобы собирать налоги с расселенных на них кастовых общин в свою пользу; земледелие как таковое является для раджпутов табу, особенно работа плу-

гом, — «нельзя ранить грудь матери-земли». В этом стремлении к постоянному расширению подвластных территорий отражалась характерная для кочевых сообществ черта: необходимость расширения пастбищ, свойственная экстенсивному скотоводческому хозяйству. Метод «пользования пастбищами» в целях сбора налогов преобразовался со временем в основу раджпутской государственности. Хотя, может быть, эта ситуация в конечном счете говорит о том, что «завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом» [Кляшторный, Султанов 2004: 8]. На новообретенных территориях они налаживали управление по своим родственным каналам.

Существовал и традиционный механизм достижения этой великой раджпутской цели — закон первородства (майорат). Раджпутский майорат — правило наследования, при котором все владения, имущество и титул отца переходят к старшему в клане сыну, который отвечает за свою семью и за женщин и детей всего клана. Но младшие сыновья не могут проесть наследство. Младшие братья должны были добывать все новые и новые средства существования и отправлялись на завоевание территорий для себя и своего клана с неизбежным постоянством: раджпуты очень жестко придерживались этого обычая. Военные отряды и армии молодых и сильных раджпутов были всегда готовы к борьбе за территории, власть, землю. Отсюда и появилось столь большое число раджпутских владетельных домов повсюду в Северной Индии. В традиционной организации даже сегодня есть особая категория раджпутских семей *чхота бхаи* (*chotā bhāi*, букв. «младший брат»), состоящая из потомков младших ветвей княжеских домов, наиболее скромно живущая часть раджпутского общества. Само название «раджпут» (*Rājput*, букв. «сын раджи») связано с традициями управления клановыми территориями и обычаем майората: клан назывался раджпутским только в том случае, когда он сумел основать правящую династию, пусть даже в одной деревенской общине [Shah, Shroff 1958: 258]. Остальные кланы остались в категории *джат* (ныне крупнейшая земледельческая каста Севера) или *гуджар* (пастушеская каста Севера и Запада Индии).

Раджпутское княжество считается образцом соответствующего *дхарме* способа организации государственной власти

и управления; по своей сути оно — эффективная машина управления на завоеванной территории, населенной нераджпутами. Власть персонифицируется в лице первородного главы старшей ветви правящего клана, происходящего от основателя династии. Концепция коллективной власти клана *бхаибандх* (bhāībandh, букв. «узы братства») провозглашала принцип равенства членов клана в отношении к земле и власти. Считалось, что каждый раджпут должен иметь для своего пропитания хотя бы *чурса* — участок земли «размером со шкуру» [Tod 1978: 1, 115]. В правящем клане Марвара, например, где практически вся земля была приобретена прямым захватом, так как в пустыне земледельческое население сосредоточено в немногочисленных оазисах, особенно заметно было пользование территорией не только на равных основаниях, но и в равных долях. Раджа считался первым среди равных; он был обязан обеспечить гарантированное соблюдение интересов правящего клана в целом и каждого отдельного человека в нем. Способы контролировать раджу и минимизировать его власть были многочисленны и изобретательны. Когда раджпуты получили надстройку над своими государствами в виде Могольской империи, процессы разрушения патриархальных отношений ускорились. Однако раджпутский способ забирать уже собранные общинными руководителями налоги, не вмешиваясь во внутренние дела населения, оказался столь эффективен, что моголы (которые и сами были кочевой ордой) заимствовали опыт раджпутов для системы управления Могольской империи. Характерная для могольской системы *мансабдари* (mansabdārī) практика пожалования государственным чиновникам, обладателям чина *мансаб* (mansab), земельных наделов *джагир* (jāgīr) в обмен на службу падишаху со своим военным отрядом копирует систему внутрикланового распределения земельной собственности, вплоть до обязательной воинской повинности. Изменился лишь состав правящей группы — получить *мансаб* и соответствующий ему *джагир* могли не только раджпуты правящего клана.

Став кшатриями, раджпуты создали удивительную философию и практику воинского служения, которые основаны на кодексе чести *раджпутти* (rājputī) и представлениях о *джати-дхарме* кшатрия [Успенская 2003: 153–198]. Эти две независимые воинские традиции органично дополняют друг друга: основанная на брахманических представлениях о религиозном долге кшатрия ментальная программа усилена требованиями самобытного радж-

путского кодекса чести, имеющего черты архаического воинского магизма. В эпоху раджпутских подвигов древние наставления дхармашастр носили характер идеологической поддержки, но правила традиционного военного ремесла позволяли раджпутам увереннее чувствовать себя в опасностях профессии и жестоких превратностях судьбы действующего воинского сообщества. В этой философии жизни приоритетное место отводилось поддержанию чести клана, предписывались жесткие правила поведения для раджпутских женщин; апофеозом *раджпутти* были саможжение вдов *сати*, жертвенное саможжение женщин и детей клана в условиях военной опасности *джаухар* (jauhār), жертвенная битва *шака* (śāka).

Для раджпуты не имел значения масштаб воинского деяния. Они держались так, чтобы всем было ясно, что каждая минуточка их существования посвящена кшатрийскому служению. Они чувствовали себя как на дежурстве и говорили: мы готовы умереть за *дхарму* каждый час и каждый день. У иных в ожидании подходящего случая проходили годы, и в итоге они мирно завершали свои дни на собственной постели в окружении любящих чад и домочадцев. Но это обстоятельство несколько не снижало нерва ситуации: накал готовности к выполнению долга всегда был запредельным. Он подогревался мужскими клубными интересами — общением с героями и сказителями-*бхатами*, будоражащими воображение разговорами и леденящими душу воспоминаниями, просмотром артистических представлений, приемом «лечебных» средств и т. д. Психологическая подготовка творила чудеса — всякий был готов вспыхнуть от одного неосторожного косога взгляда в его сторону. В средние века раджпуты почти постоянно, с осени до начала сезона дождей в мае, находились в состоянии войны. И не только потому, что воевали с внешними врагами своих государств, Моголами или маратхами. Но главным образом из-за постоянных междоусобных разборок. Такие боевые действия велись буквально по законам кровной мести. Исторические источники и собственная литература раджпутов показывают, что нередкими были и вполне достойными считались военизированные вылазки из крепостей с целью нападения на чужие торговые караваны и обозы, проходящие к морским портам Гуджарата и возвращающиеся оттуда, дерзкие набеги на стада и иное имущество кровных и заклятых врагов из числа соседей-раджпутов. Но и в этих случаях раджпуты были уверены, что

действуют в строгом соответствии со своей воинской *дхармой*. «Те, кто провозглашает себя кшатрием, должны быть готовы употребить силу, чтобы занять свое почетное место и потом его защитить. Почти не имеет значения, если кшатрий не слишком грамотен, не богат, не обладает аскетическим благочестием <...> Человек истинно кшатрийского происхождения должен всегда дорожить своей честью, легко гневаться, быть стойким в борьбе, великодушным в победе; ему не полагается любить свое имущество больше всего на свете <...> Кшатрии могут быть не так строги в отношении еды, питья и ритуала, как брахманы, или быть не столь искусными в коммерции, как вайшьи. Требуется продемонстрировать силу и мужество» [Mandelbaum 1970: II, 452–453]. В такой упрощенной и неакадемичной форме дошли до кшатриев уже наших дней заветы предков. Но еще столетие назад они всерьез изучали науку истинно раджпутского поведения: в семье, от родителей и дедов, по литературе и наставлениям сведущих людей — генеалогов и профессиональных сказителей. В раджпутской среде существует древняя *джати чаран* (Cāraṇ), восходящая к племенному добрахманическому жречеству иноземных предков раджпутов и соревнующаяся с брахманами за влияние на умы воинов. Принадлежащие к ней сказители-хронисты, составители и хранители генеалогий, воспевали и воспевают в своих сочинениях — исторических хрониках раджпутских кланов *вамишавали* (vaṃśāvalī), героических песнях *расо* (rāsau), балладах *кхьят* (khyāt) и др. стихах славную историю раджпутских кланов. Аналогичная каста *бхат* (Bhāt) имеет позднее происхождение и занимается генеалогиями и историями не самых прославленных кланов. *Бхаты* и *чараны* ведут списки родственных связей, историю клана, отмечая построенные крепости и храмы, выигранные битвы, историю ссор и примирений и т. д. Эти данные необходимы для устройства правовых и брачных взаимоотношений между кланами, и генеалогии имеют характер документов. *Бхаты* и *чараны* часто посещают подопечные семьи, ни один праздник не обходится без их участия и рассказа о славных деяниях предков. Стараниями этих кастовых групп в кшатрийской среде развивалась литература эпического и историко-героического жанра — один из главных статусных маркеров общности. Они же сочиняли лирические поэмы о любви и жизни, адаптировали для неформального исполнения *пураны* и эпос, были главными «идеологическими работниками» в раджпутских армиях, развлекали двор

раджпутских правителей. Характерно, что они никогда не украшивали неблагоприятных поступков и позорных деяний, и подобные примеры служили в назидание потомкам. Раджпутский герой, великий воин, называется *vir*. В этом слове заметно явно соответствие латинскому *vir*, которое означает «муж, настоящий мужчина, мужественный человек, воин». Героическая жизнь раджпутского воина, поведение героя в битве и вообще на войне — предмет особого внимания всей раджпутской героической и исторической литературы. На ее основе оказывается возможным составить весьма адекватное представление о системе ценностей этого сообщества.

Чараны наделялись мистическими качествами (слово «чаран» имеет отношение к русским словам «чары» и «чародей») и практиковали так называемый *трагу* (*trāhu*), или *чанди* (*caṇḍī*) — ритуальное самоубийство (вспарывание живота). Это делалось для наказания обидчика. Раджпуты верили, что вызвавший такой отчаянный ответ обидчик обречен на самые страшные кары. Страх наказания *трагу* был столь велик, что это позволяло *бхатам* и *чаранам* держать своих подопечных в повиновении. Аналогичный способ психологического давления на общество характерен и для брахманов.

Воинское и военное дело возведено древними идеологами-брахманами в обязанность кшатриев и одновременно в их привилегию: никто из других, невоинских, варн и каст не должен был становиться воином. Со временем появились ордены воинов-аскетов (такие, например, как *госаин*), представители которых подчеркнуто выражали своим «лесным», буквально «озверелым» обликом и поведением готовность к самым решительным действиям. Но никто не считал их кшатриями. Дхармашастры и Артхашастра учат: «...закон для кшатрия — учение, жертвоприношение, раздача даров, добывание средств к жизни военным делом и охрана живых существ» [Артхашастра 1959: 18]. Кшатрий может пользоваться только тем, что он приобрел своей доблестью. В идеале было бы хорошо, если бы он исполнил все свои житейские цели и обязанности — изучил Веды, женился, произвел потомство, а потом был готов положить свою жизнь в битве. Древняя литература индийцев является свидетельством того, что сомнения в праведности собственной *дхармы* не оставляли воинов. Мыслители древности продумали теологическое обоснование религиозного долга кшатриев, чтобы избавить их от раздумий

об очевидной насильственности воинских занятий. Идея «наказания злодеев» разрешала при известных условиях применение силы и участие индуистов даже в военных мероприятиях по поддержанию *дхармы*. Авторитет Махабхараты освящает путь воина-кшатрия. Считается, что этот эпос зародился в кшатрийской среде и был позднее обработан брахманами, которые добавили назидательные тексты и религиозно-философские разъяснения.

Раджпуты неустанно культивировали соответствующий своему статусу образ жизни и развивали его внешние признаки. Каждый раджпутский клан старался обустроить для себя удобную, хорошо укрепленную усадьбу, которая имела высокие глинобитные стены, защищавшие от любого вторжения извне, в том числе и от диких зверей. Правящие кланы княжеств строили в качестве «родового гнезда» крепости-города. Крепости раджпутов горные, расположены на отдельно стоящих скалах или вершинах горной гряды. Они должны были производить на врага впечатление одним своим неприступным видом: высокие и толстые стены в несколько рядов, сторожевые башни с сигнальными огнями, мощные ворота. В крепости находились дворцы, храмы, пруды, сады, жилые дома, мастерские ремесленников и военные склады; они были хорошо подготовлены для организации долговременной защиты в осаде, имели хорошо организованную систему водоснабжения. В подземных хранилищах хранились съестные припасы. Крепость, которую ни разу не захватил враг, называлась «дева-крепость». Огромные неприступные замки, грандиозные ландшафтные ансамбли, великолепные храмы и дворцы, превращенные ныне в музеи, полные изумительных образцов искусства, старинные красочные рынки и лавки-мастерские ремесленников в изобилии представляют разные стороны культуры раджпутских княжеств и их традиции. Наглядный образ правильного поведения и облика «воинов и правителей» представлен в раджпутской школе живописной миниатюры — для этого она и создавалась. Информативными оказываются сами жанровые ситуации, костюмы и позы героев, весь рыцарский феодальный антураж, включая архитектурные формы и детали, предметы интерьера и даже посуду, особенности пейзажа, образы второстепенных персонажей. Все это неслучайные изображения, реалистичные и узнаваемые, несмотря на художественную условность жанра миниатюры. Раджпутская миниатюра служит прекрасным историческим и этнографическим источником, и по ней можно судить об образе

жизни раджпутов с большой долей достоверности. Бытовое жизнеустройство должно поддерживать *раджпутти* даже в наши дни. В современном раджпутском обществе культурные и бытовые особенности наряду с традицией воинского героизма и гордостью за свою историю составляют важнейшую часть наследия предков, которое сохраняется и даже культивируется как основной фактор раджпутской самоидентификации. Несмотря на кастовую обособленность, этнообразующие моменты очень сильны, что особенно заметно в Раджастхане, где раджпуты составляют основу формирующегося этноса *раджастхани*. Раджпутские традиции и ценности стоят в Раджастхане на главном месте, все иные кастовые группы давно и прочно втянуты в орбиту раджпутской культуры благодаря гипергамии. Вплоть до XX в. раджпутская ЭКО регулярно пополнялась кланами выходцев из разных местных этносов, связанными с военным делом и властью.

В контексте раджпутской ЭКО надо рассматривать и культуру раджастханского джайнизма. Кастовые занятия раджпутов совершенно непрактичны с житейской точки зрения. В своих крепостях и домохозяйствах они полагались на помощь клановых общин иных *джати*, которым обеспечивали защиту. Но на уровне государственной власти в связи со сложным отношением раджпутов к деньгам и богатствам налаживанием экономики раджпутских княжеств занималась джайнская община. Этические установки джайнского учения не разрешали его последователям заниматься такими делами, где можно нанести вред живым существам: подходящими считались некоторые ремесла, торговля, ростовщичество и канцелярская работа. Все эти занятия как раз были противопоказаны раджпутам — в противном случае они бы уронили свою *раджпутти*.

Раджпутские государства находились на главных торговых путях; средневековые дороги и караванные тропы вели через Мевар и Гуджарат в Переднюю Азию, отсюда начинались выходы к Аравийскому морю, в Синд и Персию, дороги на Декан в обход беспокойных территорий; торговые караваны — самое привычное зрелище в Раджпутане. Все это было под надежной защитой раджпутов и профессиональным контролем джайнских деловых людей. В мусульманском государстве, каким стала Индия при Моголах, поездки паломников в Мекку стали регулярными. В начале этого пути находился Аджмер, некогда джайнский город,

ставший с начала XIII в. местом расположения главной святыни индийских мусульман.

В раджпутских государствах джайны получили широкое поле деятельности и поддержку правителей. Во многих раджастханских городах и крепостях от той эпохи сохранились памятники джайнской культовой архитектуры. Джайны собрали и сохранили ценнейшие собрания рукописей и книг в подземных хранилищах своих храмов. Существуют интереснейшие джайнские версии истории Раджпутаны — о сотрудничестве и общих делах для побед и процветания. Мусульманские завоеватели разрушили множество джайнских святынь повсюду в Индии, но под защитой раджпутов джайны многое сумели сохранить, в том числе и намоленные статуи своих великих обожествленных учителей *тирхханкаров*. Прекрасные джайнские храмовые комплексы чаще всего располагаются в отдалении от мирской суеты в великолепных местах — гора Абу, Палитана, Гирнар и т. д., но их, малозаметных с виду, много также и в раджастханских городах. Во многих раджпутских княжествах симбиоз раджпутов и джайнов, выполнявших взаимодополняющие функции в государственном управлении, приводил к росту богатства и могущества. Раджпуты всегда говорили, что они не умеют считать деньги, и уж тем более они не должны были выказывать стремления освоить эту науку. Пышность и блеск придворной жизни в средневековых раджпутских княжествах, как правило, обеспечивали именно джайны, организуя приток так называемых «жизненных соков», под которыми у раджпутов понимаются средства существования (молоко коров и родильниц, урожаи на полях, деньги и т. д. За их поступлением следили богиня-мать клана и джайнские бухгалтеры).

Джайнизм зародился в Восточной Индии, в Бихаре, почти одновременно с буддизмом в VI в. до н. э. Община джайнов состоит из двух основных подразделений, которые называются *дигамбара* (*Digāmbara*, букв. «одетые сторонами света») и *шветамбара* (*Śvetāmbara*, букв. «одетые в белое»). В Раджастхане говорят, что джайны-*шветамбара* представляют типично раджастханское направление, а *дигамбары* — потомки выходцев из восточных районов, которые, как уже говорилось, в Раджастхане считаются во всех отношениях более «дикими». Было бы, однако, неверным думать, что джайны в раджпутских землях были лишь иммигрантами. Напротив, раджпуты сами довольно активно поставляли

прозелитов в джайнскую религиозную общину. Переход в джайнизм считался достойным способом ухода от *дхармы* кшатрия, но такое решение мог принять только целый раджпутский клан или линидж. Обычно уходили в джайнизм локальные группы раджпутов. Например, богатейшая и самая многочисленная джайнская торговая каста *освал* имеет раджпутское происхождение. Это были раджпуты, проживавшие в городе Оссия в Раджпутане. Они принадлежали к кланам Парамар, Соланки, Бхатти. Столь резкая перемена занятий с воинственных к строгой *ахимсе* и вегетарианству объясняется многими причинами и обстоятельствами. Следствие же было одно: раджпуты перестали воевать и стали торговать, считать деньги и заполнять бумаги. Я думаю, перемене занятий немало способствовало то обстоятельство, что в этих краях безводная пустыня, и даже воевать здесь по этой причине было особенно не с кем, а сельское хозяйство тем более не давало средств к жизни. Зато образованные и хорошо подготовленные джайнские торговые *джати марвари* (Maḍwārī) и *освал* (Oswāl) расселились повсюду и легко находили себе средства к жизни. Причем в народной памяти сохраняется представление, что многие джайны — родные раджпутам люди.

Варновыи статус кшатриев соотносится с «природными» воинскими умениями защищающих свой скот кочевых клановых общин. Кроме того, брахманическая теория государства наставляет, что быть правителем может только кшатрий. Поэтому в общественном сознании происходит инверсия: те, кто по факту своих жизненных успехов уже стали правителями или воинами, по законам кастового общества обретают статус кшатрия. Известны примеры из самых разных районов страны: правящие линиджи каст этнического происхождения *бхилала* (Bhilālā) [Fuchs 1973: 48; Mayer 1970: 154], *радж-гонды* (Rāj Goṇḍ) [Mandelbaum 1970: 2, 609], *коли* (Koḷī) в Гуджарате [Mandelbaum 1970: 2, 462] и множество других, претендующих на кшатрийский, то есть раджпутский, статус, подтверждали его соответствующими маркирующими особенностями образа жизни. Очень часто в своих *джати-пуранах* они мотивируют притязания рассказами о том, что раджпуты женятся на их девушках, но не менее важно и осознание себя племенем с воинственными традициями, способным к самозащите и независимому поведению, а часто и политическому самоопределению (что особенно ярко проявилось в случае с *радж-гондами*).

Деканские джати горных пастухов. Те воинственные племена, которые не завоевали счастья обладать благодатными землями, долгое время вели полукочевой образ жизни пастухов и лесных охотников в районах засушливого климата и неустойчивого земледелия на раскаленном базальтовом Деканском плато, а также в примыкающих к пустыне Тар полупустынных и солончаковых районах Западной Индии, включая Качский Ранн, и в напоминающих саванну местностях Центральной Индии. Они рассматривались оседлыми благополучными земледельцами как опасные воинственные грабители, считались малокультурными, агрессивными, почти не одетыми мясоедами. К их числу можно отнести клановые общины разводивших скот (при удачном стечении обстоятельств) или даже не занимавшихся производительным трудом племен *черо* (Chero), *каллар* (Kallār), *маравар* (Maṛāvār) и др. Английские колонизаторы называли их «не склонные к сотрудничеству элементы» и относили к категории «криминальные племена»: считалось, что они занимались «мародерством» [Gayer 1910]. Некоторые представители этой категории сумели, однако, подняться на уровень кшатриев — в первую очередь это *маравар* и *каллар*. Процесс социализации начался только в середине XIV в., когда они вышли с Деканского плато в соседние непривычные ландшафты и стали занимать новые для себя социальные ниши. Этому способствовали расшатывание устоявшихся форм государственности и социальных связей, укрепление власти появившихся в регионе мусульманских правителей и угасание старинных земледельческих династий Юга. И те и другие нуждались в наемных армиях; здесь и пригодились воинские навыки мобильных горных пастухов. Они присоединились к формирующимся наемным армиям, и верхушка этих племен оказалась включенной в систему государственного управления и в личные контакты с местными правителями. Одновременно началось освоение сухих неорошаемых неудобий: на них стали выращивать товарные сельскохозяйственные культуры, и делали это пришедшие с Декана прежде безземельные скотоводческие клановые общины. В текстах появляются *вадуга/ватука* (Vaduga/Vaduka), то есть северяне, говорящие на телугу выходцы из южных частей Декана. Северяне-*ватука* были воодушевлены открывшимися возможностями и стали активно возделывать прежние неудобья, превращая их в тучные поля, на которых росли хлопок и табак, а также другие выгодные в торговом отношении

плантационные культуры. Земледельческие кастовые общности Декана стали землевладельцами, например, *камма* (Kām̐ma) и *редди/кану* (Redḍi/Kāru). На принадлежащих им землях стали работать переселенные в ходе освоения индийской целины в новые районы тамильские *шанары* (Shānār), ныне *надары* (Nādār), дотоле очень невысокая каста сборщиков пальмовых орехов, которые умели, как все сборщики пальмовых плодов, рыть колодцы, сажать и выращивать пальмы; теперь они научились выращивать пряности (перец, кардамон и т. д.).

К началу XVII в. новопришельцы, наемные феодалы, получили право собирать налоги в обмен за службу в армиях крупных государств, прежде всего империи Виджаянагар (1365–1532 гг.). Тогда же наемные феодалы-воины установили собственные территории власти (так называемые *полигары*) и обрели кшатрийский титул *наяк*. С распадом империи Виджаянагар государства *наяков* появились во множестве, в том числе вблизи крупных культурных центров Юга. *Наяки* оказались очень предприимчивыми, вступили в контакты с заморскими торговцами и местными мусульманскими правителями, включились в экономические связи и стали поставлять товарную ценную древесину, пряности, наладили ремесленное производство, для чего, например, привезли на Юг из Гуджарата высококвалифицированных брахманов-ткачей по шелку — эти *джати* существуют и поныне и сохраняют свои традиции, в том числе родной язык гуджарати, например *сали-салиян* (Sāle) и *деванга* (Devāngā). Они даже поставляли в армии соседей боевых слонов и, пользуясь умениями соплеменников, разводили на продажу могучих упряжных быков. В частности, в связи с этими предприятиями в среде вчерашних пастухов организовалась знаменитая ныне своим благополучием торговая каста Андхры *комати* (Kōmati). Первые европейские торговые компании имели дело с *полигарами* и *наяками*, которые, когда началось колониальное завоевание Индии, мужественно защищали свои территории (1740–1801 гг.). Этот исторический процесс очень интересен историкам [Stein 1980; Dirks 1987], но, как видим, он имеет ценные для антропологии касты аспекты. *Ватука* и новые кшатрии были практически несанскритизированы, но в близости высокоразвитой культуры индуизма они быстро сделались вполне достойными гражданами. Их как вполне благополучных богатых правителей и землевладельцев стали кормить новые брахманы — главным образом шиваитские про-

поведники, последователи Шанкарачарьи. «Смешение культур того времени отражалось и в политической идеологии, и в модели (воспринятой) культуры, что заметно в языках, таких разных, как тамильский, телугу, каннада, маратхи, английский, французский и санскрит. Это было время массовой социальной мобильности и культурных трансформаций, и хотя со стороны только оперившихся царств и правителей было заметное стремление приобщиться к культурному наследию брахманских ученых и жрецов и к активному храмовому строительству, там одновременно присутствовал сильный исламский символизм в государственном культе и протоколе, а также в дворцовой архитектуре» [Dirks 2004: 67].

Каллар (Kallār) — ныне вполне уважаемая тамильская земледельческая и землевладельческая кастовая общность этнического происхождения, сравнимая в некоторых районах Юга по своему влиянию с *веллала* и *редди*, имеющая в своем составе городских адвокатов, врачей, инженеров, чиновников; она является примером поздней санскритизации горных пастухов по типу кшатриев. Земледельцы искали у них защиты. В ходе описываемых событий в последней четверти XVII в. несколько линиджей *калларов* оказались в роли правящей верхушки небольшого княжества (царства) Пудуккоттей, в самом центре Тамилнада. Хотя *каллары* характеризовались своими соседями как дикие разбойники (*каллар* на тамильском означает «вор»), а позднее были включены англичанами в число криминальных племен и попадали под действие специального репрессивного закона, в Пудуккоттей они создали династию раджей и соответственно династический клан *калларов* Тондейман. Н. Дёркс пишет: «*Каллары* были успешны частью потому, что имели сильную родственно-территориально ориентированную социальную структуру. В дополнение к этому доблесть, героизм и проявленная воинская честь открыли им путь к совместному с местной администрацией контролю над средствами насилия» [Dirks 2004: 66]. Они пользовались значительным авторитетом в регионе и остались в истории как достойные кшатрии, которые провозгласили политику наведения в государстве «контроля и порядка» и успешно ее проводили, сформулировали для себя кшатрийский кодекс чести *каттупату*, которого строго придерживались, и в целом культивировали в своей среде множество черт высокосанскритизиро-

ванной власти. Они оказались достаточно сведущими в политике, во время войны с англичанами Пудуккоттей встал на сторону англичан, и в результате династия *калларов* сохраняла свой княжеский титул и при Британской власти.

Маратхи. *Маратха джати* (Marāṭhā jāti), или *маратха–кунби* (Marāṭhā–Kunbī), считаются одним из наиболее консолидированных, крупных, рано сформировавшихся этносов Индии. В то же время всякий раз, когда речь заходит о маратхах, появляется необходимость давать дополнительные пояснения, такие, например, какие сделала М. Ломова-Оппокова в своей работе «Маратхи...» [Ломова-Оппокова 1993]: «Слово “маратх” имеет двоякое значение: название народности (маратхи) и название кастового подразделения этой же народности (маратха — в данном случае не склоняется). Важно отметить, что этот термин далеко не однозначен. За пределами Махараштры его употребляют для обозначения всех говорящих на маратхи <...> В самой Махараштре этим словом называют представителей касты. Многие используют этот термин для обозначения представителей сразу нескольких каст. Некоторые немаратха тем не менее называют себя этим словом. Так же часто поступают представители каст, близких маратха по статусу. “Неприкасаемые”, употребляя термин “маратха”, подразумевают под ним, как правило, всех кастовых индусов в деревне. Представители низших каст часто рассматривают себя как “маратха”, но никогда не включают в это понятие хариджанов. Представители высших каст исключают низкокастовых индусов и хариджанов из этой категории. Все исключают отсюда брахманов и т. д.» [Ломова-Оппокова 1993: 235]. М. Ломова-Оппокова по необходимости широко пользуется термином «маратхизация», в частности во всех случаях, когда говорит о *кунби*. По этим и другим подобным пояснениям видно, как неоднородно и сложно проявляют себя этнокастовые общности. Только понятие ЭКО дает возможность адекватно квалифицировать феномены, подобные феномену *маратха*. Посмотрим на аргументы в пользу высказанного тезиса.

Итак, существуют этнос *маратха* и одноименная кастовая общность уровня *шудра*, восходящая к деканской земледельческой этнической общности *кунби*. В историческом контексте речь идет об ЭКО *маратха–кунби*, в которой представлены многочисленные и разнородные *упаджати* (калька с термина «подкаста»),

преимущественно земледельческие. Самыми близкими к ним по статусу и характеристикам являются *веллала*, *камма* (Kāmma), *редди/кану* (Reddī/Kāpu) на большей части Юга, *джаты* на Северо-Западе, *курми* (Kūrmī) и *гоала* (Goālā) в Хиндустане. Эта этническая по характеру группа в период между переписями 1911 и 1941 гг. отказалась от своего названия *кунби* в пользу более престижного для нее *маратха* на том основании, что *маратха* в свое время выделились из состава *кунби*. Поэтому этнокастовая общность должна называться с упоминанием обоих основных компонентов. При этом этноним *кунби* имеет вариант *канби* (Kānbī) — диалектный, распространенный в западных, приморских районах Махараштры и Гуджарата. Этим словом в течение многих веков обозначались практически все гуджарати- и маратхиговорящие крестьяне Западной Индии; некоторые авторы, впрочем, считают *канби* отдельным этносом. *Маратха–кунби* говорят на индоарийском языке, ведут патрилинейный счет родства, но система родственных отношений и брачные обычаи (распространенность кросскузенного брака) говорят в пользу дравидского происхождения этнических групп, входящих в состав ЭКО [Trautmann 1981: 112–124].

Часть кланов этого комплекса имеет кшатрийский статус, буквально завоеванный в конце XVII в. в противостоянии с Могольской империей под руководством Шиваджи, и формирует *джати маратха*. Клан Бхонсле, из которого происходил сам маратхский предводитель Шиваджи, относился к общности *кунби* Деканского плато. В этой среде брахманам и их наставлениям придавалось мало значения. *Кунби* занялись военным делом при мусульманских султанах в XIV–XV вв. К XVI в. термин *маратха* приобрел более возвышенное в глазах кастового общества значение, стал «почти кшатрийским» и обозначал тех, кто подобно самому Шиваджи и его семье в качестве солдат и мелких офицеров наемных армий был вознагражден за службу особыми правами и земельными наделами. В короткое время наследственные держатели этих должностей стали отличать себя от бывших соплеменников, бедных земледельцев, с которых стали собирать налоги. Когда Шиваджи был провозглашен махараджей Маратхского государства в 1674 г., он был возведен в статус кшатрия через инициацию «дваждырожденных»; вместе с ним повысили свой статус кланы сподвижников. Е. Ю. Ванина говорит так: «Верхушка земледельческих и частично пастушеских каст, составившая

основу сословия маратха, отказалась от традиционных занятий в пользу воинской профессии и выдвинулась на службе мусульманским правителям деканских государств, возникших на обломках Делийского султаната. До тех пор пока Махараштра не вошла в состав империи Моголов, этот процесс не затрагивал интересы могольской и раджпутской знати. Когда же под руководством Шиваджи возникло Маратхское государство, которое сначала бросило вызов империи Моголов и одержало над ней победу, а затем стало претендовать на доминирование в Северной Индии, тут моголы и раджпуты оказались удивительно едины. <...> И могольские, и раджпутские феодалы в один голос, как свидетельствует литература, с презрением называли маратха низкородными плебеями, чуждыми подлинной воинской чести и изысканности. В частности, возмущение вызывала излюбленная тактика маратхских воинов — партизанская война, засады и ночные набеги, которые, естественно, были неприемлемы для благородных раджпутов и моголов, привыкших сражаться с врагом в открытом бою. И маратха, и возглавивших Маратхское государство в XVIII в конканских брахманов-читпаванов обвиняли в скупости, что также было в глазах раджпутской и могольской знати совершенно несовместимым с принадлежностью к благородному сословию» [Ванина 2007: 196–197]. В этой оценке средневековых авторов хорошо заметна неприемлемость претензий маратхов на кшатрийский статус: как земледельцы, они считались *шудрами*.

Приведу описание состава этой сложноорганизованной этнокастовой общности, опираясь прежде всего на сведения И. Карве [Карве 1961: 19–30, 64–67], которая сама принадлежала к знаменитой семье брахманов-конкани (*джати Читпаван*). И. Карве представляет *маратха-кунби* как комплекс землевладельческих и земледельческих каст, расселенных на всей территории Махараштры — и на Деканском плато, и на побережье Аравийского моря. *Кунби* стали числиться либо как *маратха*, либо как какие-нибудь кшатрии: в 1945–1946 гг. И. Карве во время антропологических исследований в этом районе не нашла ни одного, кто бы назвал себя *кунби*. Она отмечала, что *маратха* женятся только на *маратха* и считают себя аристократами. Те *кунби*, которые жили на узкой низинной полосе побережья Аравийского моря (Конкан), — это также отдельная «каста», и они никогда не вступают в брак вне своей группы, и фамилии этих людей совершенно от-

личаются от фамилий *маратхов* и *кунби*, живущих на плато. В части Кхандеша и в Бераре живут люди, которые называют себя *лева кунби* (Leva Kunbī). Они отличаются по одежде, по языку и общему облику от обеих этих групп. *Лева кунби* хорошо помнят, что лишь недавно переселились сюда из Гуджарата. У них нет воинственных традиций, они пасут буйволов и продают молоко и молочные продукты. И это также напоминает об их северном происхождении, так как ни маратха, ни *кунби* Деканского плато или Конкана не являются хорошими животноводами, только держат собственных тягловых быков, говорит И. Карве. В Бераре и Нагпуре доминирующая *джати кунби* называется *тироле кунби*. Они отличаются от западных *кунби* во многих отношениях: например, практикуют левират. Среди многих других групп, называющих себя «кунби», И. Карве отмечала такие, которые по всем признакам недавно вошли в контакты с местным населением (например, *манва кунби*): «Они похожи на полупримитивные племена, живущие на границе Телинганы и Махараштры, и взяли себе название “кунби” сравнительно недавно», — говорит исследователь [Karve 1961: 22]. Изучив тотемные названия экзогамных кланов *маратхов* и *кунби* и учитывая мнение Р. Энтховена и других авторов, Дж. Феррейра пришел к такому выводу: «Термин *маратха* относится к трем группам: 1) к *маратха* собственно, или вождям линиджей, землевладельцам и воинам Декана и Конкана, которые претендуют на кшатрийский статус и избегают замужества вдов; они в социальном отношении превосходят земледельческие касты *кунби*, с которыми, однако, кое-где поддерживают гипергамные отношения; 2) к земледельцам *маратха–кунби*, причем практически мало различий между *маратхами* и *кунби*; 3) к иным профессионально специализированным кастам. Судя по тотемным культам *девака*, все эти три группы имели общее происхождение» [Ferreira 1965: 202–203].

Джати маратха, политически очень активная, в течение долгого времени отличалась антибрахманскими настроениями. Этому способствовало распространение в маратхском обществе идей *бхакти*. Однако правящие линиджи *маратха* встали на путь рафинированной санскритизации. Наиболее эффективным брахманическим стилем прославили себя маратхские правители Танджора (Тханджавура), родственники Шиваджи. Танджор, бывшая столица древних Чолов, оказался центром большого и богатого государства *наяков* в XVI–XVII вв. В 1674 г. маратхи его завоева-

ли. Воцарившись здесь, они восстановили старинные системы ирригации, стали поддерживать ремесленное производство и установили связи с европейскими торговыми компаниями. Государство сделалось процветающим и, претендуя на статус *дхарма-раджи* в государстве *дхармы*, правители начали культивировать санскритские науки и утонченный образ жизни. В частности, в этот период для дам Танджорского двора (в сущности вчерашних *шудр*) была написана знаменитая, единственная в своем роде *дхармашастра* «Стридхармападдхати» (букв. «путеводитель в женской *дхарме*»), составил ее ученый брахман Трьямбака.

Санскритизация этих земледельцев и скотоводов привнесла в индуизм много интересных деталей. Немецкий ученый Г.-Д. Зонтхаймер выполнил замечательное исследование по фольклорным текстам воинственных племен Декана «Пастушеские божества Западной Индии» [Sontheimer 1989]. Представленные в нем факты и обобщения по поводу санскритизации локальных пастушеских культов в Великой традиции индуизма подтверждают высказанные здесь предположения о санскритизации скотоводов засушливых районов по кшатрийскому типу.

Этнокастовые общности лесных охотников и собирателей тропического пояса.

Эта категория очень многочисленна и представлена небольшими общностями во всех регионах страны и на всех уровнях кастовой иерархии. Обратим внимание на некоторые бывшие племена, обладающие характерными чертами ЭКО в особенно яркой, заметной форме. Наиболее интересными с этой точки зрения представляются кастовые общности Кералы.

Керала, узкая прибрежная полоса вдоль Аравийского моря, земля древней самобытной культуры, отделена стеной Западных Гхат от Карнатаки (Майсора) и Тамилнада. Прибрежные поля удобны для выращивания риса, кокосовых пальм и некоторых драгоценных пряностей. В горах живут воинственные *курги* и разные любимые этнографами племена: *тода* (Ṭoḍā), *кадар* (Kādār) и др. Изобилующая природными богатствами Керала с ее удобными морскими гаванями издревле привлекала мореходов и торговцев. Контакты по морю привели к раннему появлению здесь иудейской, христианской и мусульманской общин. Здесь представлены многие этнические общности, которые сохраняют свои добрахманические традиции и самую заметную из них — право-